

— Вы сожалели о возвращении в Нью-Йорк?

Этими словами я поприветствовал Джонатана, когда он, глубоко задумавшись, сошел на берег.

— По всем пунктам.

Подняв голову, Джонатан немедленно ответил. Позже, в том же ресторане, его взгляд вернулся к теперь уже бесполезному инвестиционному проекту, который охватывал только до тех пор, пока курс бата не начнет падать.

“Второе июня”.

Хотя Джонатан и выделил дату красной ручкой, он не смог воспользоваться этим шансом.

— Как ты мог знать дату, даже если предсказывал тенденции?

— Расчеты.

— Ты покажешь их мне в будущем?

Глаза Джонатана сияли.

— Я расскажу вам об ингредиентах.

Хедж-фонды планировали контратаку, взяв займы японскую иену, которая имела низкую процентную ставку. Поскольку это уже было известно, я не чувствовал необходимости говорить об этом.

— Только ингредиенты? Как насчет рецепта?

За последние несколько дней Джонатан полностью изменил свое отношение. Он вел себя как молодой человек, выросший в деревне и впервые увидевший огни большого города, а не как преуспевающий финансовый менеджер с Уолл-стрит. Поскольку я не знал, каким был Джонатан в молодости, я мог только понять его и оставить в покое. Я молча улыбнулся, и Джонатан оставил это, поскольку у него все еще была гордость менеджера.

— Я все еще не знаю твоего имени, и это следует исправить.

— Сонху.

— Сон... кто? Это не так уж плохо. Можно я буду звать тебя Сон?

В моей первой жизни Джонатан показал мне свою светлую сторону только дважды, и они показались тогда, когда он хвастался своим расцветом в 1997 году и после того, как он очистил подземелье, дожив до конца. В другое время он был похож на раненого зверя. Он пил, когда не было работы, и выкрикивал имя дочери, когда ему снились кошмары об умершей семье. По сравнению с этим, этот младший Джонатан все еще сохранял свою яркую индивидуальность. С тех пор как я вспомнил, как он выглядел в прошлой жизни, мне нравилось видеть его улыбку такой сейчас.

— «Джонатан и Сон Инвестмент».

Джонатан вдруг заговорил о названии компании, которую мы собирались основать.

— Акции 51 к 49, так что мое имя первое. Не будет ошибкой сказать, что это будет моя компания.

Я заговорил.

— Убери из него мое имя.

— Ты, кажется, уже вышел из возраста застенчивости.

— Меня не волнует название компании. Сколько акционерного капитала?

— Сон, ты слишком хитер, вот почему тебе удалось заключить эту безумную сделку. Я буду финансировать капитал и передам тебе 49 процентов акций.

— Мне нужны 51 процент.

— Что?

— Если тебе это не нравится, мне все равно, как мало капитала ты вложишь.

— Даже если это всего лишь десять тысяч долларов?

— Как хочешь.

— Откуда такая уверенность?

— Значит, десять тысяч долларов?

Джонатан протянул четыре пальца и продолжал:

— Четыреста тысяч долларов. Хотя я хочу большего, это все, что у меня есть.

Поскольку у меня 51 процент акций, я получил чуть больше двухсот тысяч долларов бесплатно.

— Неужели у тебя нет средств, чтобы помочь, Сон?

— Если бы знал, то не вызвал бы тебя в Корею.

— Почему это был именно я? Откуда ты меня знаешь?

— С веб-сайта.

— ...Только веб-сайт? И тебе было все равно, кто это был, пока ты мог основать инвестиционную фирму в Америке?

Инвестиционная фирма в Америке? Я хотел начать его с налоговой гавани, если это возможно. Однако, учитывая сбережения Джонатана, я не мог.

— Ты разочарован?

— Нет, я просто думаю, что возможности приходят так странно. Они никогда не приходили, когда я отчаянно хотел их.

“Они никогда не приходили, когда я отчаянно хотел их”.

Слова прозвучали как дежавю. Когда Джонатан открыл Шкатулку мастера с очками, которые он накопил, рискуя своей жизнью и несколько раз чуть не умирая, он отказался от жизни. Сначала у него был грандиозный план не открывать ни одной коробки ниже Шкатулки испытания, пока у него не будет достаточно очков. Однако после ряда событий, которые загнали его в угол мысленно, он открыл мастер-шкатулку.

Поэтому ему нужен был предмет, а не навык или черта из Шкатулки мастера. Если вспомнить, что говорил Джонатан, то он, похоже, собирался продать его и жить как сумасшедший в квартале красных фонарей, пока не умрет.

Однако с ним произошло чудо, так как навык на уровне Шкатулки испытания выпал из Шкатулки мастера. Это был второй раз, когда я видел, как нечто более высокого уровня вышло

из нижней по рангу шкатулки. Только дважды. Ни один из самых счастливых людей, которых я когда-либо встречал, не смог этого сделать, и именно в тот день Джонатан ушел, чтобы отомстить, несмотря на мои попытки остановить его. Это было последнее воспоминание о нем, и я слышал о его смерти по слухам.

— Почему ты так на меня смотришь? Для тебя большая честь, что я признаю тебя «возможностью»? Судя по тому, что ты мне показал, ты — мой шанс. Мой родной Сон. Мне нужен только один шанс, раз я к нему готов.

Вернувшись из воспоминаний, я увидел взволнованное лицо Джонатана.

— Ты поставишь все, что у тебя есть, если я скажу идти ва-банк?

— Ва-банк?

Джонатан многозначительно улыбнулся.

— То, что я изменил инвестиционный продукт, не означает, что я перестал быть трейдером. Я вложил в тебя деньги, а это значит, что отдам тебе все, что у меня есть.

Джонатан с громким стуком поставил свой чемодан 007 на стол, и из него посыпались документы, подтверждающие эти слова. Это были документы, необходимые для создания инвестиционной фирмы, и он уже подписал их там, где нужно было. Джонатан должен был быть инициатором и генеральным директором, поскольку был американским гражданином. Ему нужны были мои официальные документы от корейского правительства, чтобы подтвердить свою личность, например, свидетельство о регистрации резидента*.

[П/П: Это определённый статус юридического или физического лица в налоговом законодательстве, а также в некоторых других отраслях законодательства, выражающий связь этого лица с тем или иным государством.]

Джонатан нахмурился, увидев это, и в замешательстве уставился на меня. Я указал на свое имя.

[На Сонху (850228 — *****)]

— Это единственный документ, подтверждающий мое гражданство. Это мое имя, а эти двое — имена моих родителей.

— А что это за цифры?

— Это корейский эквивалент номеров социального страхования, и они называются регистрационными номерами резидентов. Продолжай с этим. Я пришлю тебе твой паспорт, как только он будет выдан.

— Эй, Сон, этот номер. Это ведь не твоя дата рождения, верно?

— Так и есть.

— 85-й не означает 1985-й, верно? — удивленно спросил Джонатан. Прошло много времени, в течение которого он просто не мог говорить от потрясения. Ему нужно было, чтобы я подтвердил нечто невероятное...

— Тебе тринадцать? Тринадцать?

Джонатан был удивлен по двум причинам. Его соучредителю было тринадцать, и он уже выглядел так, словно закончил расти. Джонатан закрыл лицо одной рукой, как в тот день, когда он встретил Сонху, но глаза, выглядывающие сквозь пальцы, на этот раз были другими. На самом деле, в них горел больший трепет, чем его первоначальный гнев.

— Значит, ты азиатский гений.

Джонатан оценил мою готовность и упорство, но теперь он думал о моей гениальности как о моем лучшем активе. Молодой азиатский финансовый гений. Джонатан посмотрел на меня, как человек с запада, который отправился в Тибет и Японию в погоне за восточной фантазией. Хотя мне хотелось врезать ему по глазам, вместо удара я назвал сроки.

— Вторая неделя июня, с девятого по тринадцатое.

Поза Джонатана изменилась, когда я заговорил о реальных датах.

— Я уверен, что за это время акции упадут на десять процентов.

— Ты думаешь, что Таиланд сдастся в течение этой недели?

Джонатан слегка наклонился ко мне и попытался стереть волнение в глазах.

— Это займет больше времени для этого.

— Как ты думаешь, что произойдет во вторую неделю июня?

— Ты помнишь, что я говорил раньше?

— Что Таиланд будет только началом?

— Битва между коалицией хедж-фондов и Таиландом дошла до ситуации, когда никто не может ожидать исхода. До сих пор результаты были таковы, что люди думают, что Таиланд сможет успешно защитить себя.

— Однако мы думаем, что они не могут.

Джонатан употребил слово “мы”.

— Если цена акций Таиланда упадет более чем на десять процентов в течение второй недели, то это будет поворотный момент. Атмосфера изменится, и страх распространится.

— Люди запаникуют.

— Подкрепление, как акулы, почуявшие кровь в воде, последует за коалицией хедж-фондов, которая атакует бат, и страх распространится по всей Азии. Коалиция хедж-фондов изменит поля сражений, чтобы собрать как можно больше урожая, и их конечная цель — ...

Я остановился и подождал ответа Джонатана.

— В Гонконге.

Джонатан ответил без колебаний, как будто он уже давно думал об этом.

— Ты ошибаешься. Это Южная Корея.

Джонатан нахмурился.

— Это потому, что это твоя страна? Корея находится в совершенно иной ситуации по сравнению с Таиландом и другими странами. Нападающие не могут атаковать иностранную валюту этой страны. О чем ты говоришь?

— Ты прав. Они не могут манипулировать корейским биржевым рынком, поскольку им запрещено направлять средства из-за пределов Кореи.

— Угу.

— Однако фонды коалиции хедж-фондов не будут нападать на Корею. Это будет страх, который распространился по всей Восточной Азии, с которым теперь придется столкнуться и Корее. Джонатан, хедж-фонды создают опасения, что кредиторы выведут иностранные инвестиции, которые находятся в этой стране.

Представив себе финансовый кризис из Таиланда, бушующий в Азии и, наконец, в Корее, Джонатан притих. Для кого-то с Уолл-стрит это было бы тем еще зрелищем. Руки Джонатана теперь были крепко сжаты в кулаки.

— Сон, ты хочешь остановить это? Такой человек, как ты? Это очень патриотично, но это не моя страна, — он покачал головой.

— Для меня то же самое. У таких людей, как мы, преданность и любовь сделаны только ради денег.

Джонатан не усмехнулся и не улыбнулся, а молча кивнул, ожидая, когда я закончу эту длинную историю.

— Коалиция хедж-фондов будет вести войну, но на следующий день после окончания войны они узнают, кто выиграл больше. Они будут удивлены.

<http://tl.rulate.ru/book/21075/2000251>